

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 26 (254) 5 июня 1933 ГОДА.

ЦЕНА 20 к.

ПОДРЕДАКЦИЕ:

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

ЦЕННЫЙ ОПЫТ ДОНБАССА

«Думать, что можно руководить теперь из канцелярий, сидя в кабинетах, вдали от заводов — значит заблуждаться». Это указание тов. Сталина, сделанное хозяйственникам, следует начать вспоминать и руководителям литературного фронта.

Растет массовое литературное движение. Из среды передовых рабочих и подхозников выдвигаются новые кадры писателей, поэтов, очеркистов. Книги передовых рабочих, передавшие свой опыт социалистической стройки, коллективные книги «социалистических счетов» становятся непосредственными организаторами социалистического наступления, борьбы и строительства. Сотни новых имён молодых писателей выдвигаются наши литературно-художественные журналы и издательства во всех республиках СССР. Наша критика до сих пор еще очень плохо «составляет» эту молодую литературу. Сегодня мы даем страницу, посвященную литературной молодежи. Это, разумеется, только начало.

Совершенно очевидно, что обеспечить творческий рост литературной молодежи можно только при условии конкретного изучения творчества начинающих авторов и систематической помощи им. Надо знать каждого индивидуально. Конкретно — каждую группу молодых писателей, поэтов, очеркистов, критиков.

Не всегда и не всегда, молодым растущим писательским кадрам своеобразие оказывается помехой. Литературная учеба, консультации квалифицированных мастеров художественного слова обес печены еще недостаточно, хотя ряд квалифицированных писателей уже теперь активно участвует в деле воспитания новых литературных кадров.

Встречи с установкой «мой творческий опыт — молодому автору», обмен опытом передовых писателей с литературным молодежью должны стать системой работы квалифицированного писателя с начинающими. Обмен опытом передовых лучших строителей социализма — система всей советской работы. Такой же должна быть и система идеально-воспитательной работы литературных организаций.

Составляющейся в Донбассе слетом литераторов угольной промышленности дал в этом смысле ценный опыт. Слет был организован изъятием ВЦСПС совместно с ЦК профсоюза рабочих угольной промышленности и состоялся в Шербиновском руднике Донбасса.

Но значение слета выходит далеко за пределы литературной учебы. Одна из его характернейших черт является теснейшая и всечестная связь между проблемами литературы и социалистического производства. Донбасс находится сейчас в полосе боевой перестройки своих организаций и напряженной борьбы за уголь, этот черный хлеб социалистической промышленности. Рассказы, очерки и стихи, которые привезли с собой участники слета, в подавляющем большинстве посвящены именно этим темам, волнующим весь трудящийся Донбасс. Работа слета над каждым стихом и рассказом превращалась в отточку мысли, в выковывание орудия для непосредственной борьбы за уголь.

Профessor Н. Н. Бурденко

ОБ „ЕГОРЕ БУЛЫЧЕВЕ“

Недавно мне привелось посмотреть в театре им. Вахтангова пьесу М. Горького «Егор Булычев и драматики». После шекспировской драматура это лучшее, что я видел в последние годы на театре. Это спектакль большого эмоционально-воздействия. Талантливо сделанный образ Булычева пронизывает па зрителя громадное впечатление.

Этот незаурядный человек, не получивший в свое время никакого образования, никакой теоретической подготовки, к концу своей жизни приходит к переоценке ценностей: религии, морали, человеческого авторитета. Он стихийно приходит к выводам, к которым многие приводят «цельные стройные конструкции философских учений».

Со свойственной ему беспощадностью, безудержностью, далекой, однако, от какого бы то ни было самодурства, осмысленной критической силой своего ума он разоблачивает лицемерие окружающих его людей, ханжество церкви, жульничество знатарства. Почти весь раскрылся он сцене с именем Булычева, при котором его называли «жуликом ты или дурак» может быть отнесен к той медицине, которая оторвана от науки.

Вполне закономерно, что у такого отца, как Булычев, именно такая дочь, как Шурка. Она сформировалась под сильным влиянием его

ревизионистского отношения к жизни. Будучи привязана к отцу, она многое впитала от его идеологии. Меньше верится в том что Егор Булычев при его идеином уровне мог прожить всю жизнь с такой жизнью. Образ Булычева, на мой взгляд, несколько вульгаризован. Щукин, исполняющий роль Булычева, создает незабываемый, блестящий образ, к которому зритель относится с большим интересом.

В работе над образом у Щукина есть и ошибки. Егор Булычев болен раком печени. Эта болезнь всегда сопровождается душевной депрессией. Щукин же строит весь образ на колossalной экспрессии, на таковой силе реакции, которая мало вероятна при его физическом состоянии. Я допускаю, что рисунок роли и законы сценического требований именно такого разрешения образа, но я не могу сказать, что для меня, медика, это звучит неубедительно. Экспрессия, которой пронизана вся игра Щукина, привела к тому, что, давая очень яркие картины «трагедии души», он не довел до зрителя страдания тела. Физические страдания, которые при раке совершились у человека, почти не причиняют беспокойства Булычеву.

Мне хочется еще отметить, что образ именем: «швейцарии» Булычева были напечатаны в ряде номеров «Литературной газеты» (№№ 48, 49, 54 за 1932 г.).

СЧЕТ читателя писателю

Зал московского Дома печати, — об этом говорили многие. Задачи проходы. Между президиумом и аудиторией нет «нейтральной зоны». Конференция читателей, писателей, критиков, редакторов, библиотекарей, работников книжных магазинов. Читатели услышали встретиться с писателями, но писатели явились в незначительном количестве.

После вступительного слова тов. Макарцева, отметившего, что наша литература — самая идеальная и самая художественная в мире, что предстоящий слет писателей — дело всесоюзного наследия страны и что этим обясняется тема собрания: «счет читателя писателю», — слово получили читатели — рабочие, библиотекари.

Читатель требует, чтобы в литературе нашли отражение основные участки социалистической стройности — завод и колхоз. Читатель считает художественную литературу в деревне обогащением «Поднятой целины». Шолохов. Говорят о ее «звуковых красках» (т. Терезин). А. Ермолаева («Серы и молот») откровенно призналась:

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и природы для чего там хороша!

— Только женщины Шолохов ма- ленько искривили. Не показал жен- щину как товарища.

Читатель не доволен заводом; читатель: создания настоящей дет-

создания полноценного образа женщины в литературе, внимания писателя к вопросам быта («В ли- тературе был нездоровий интерес к быту, это прошло. Но ведь осталась проблема семьи и т. п., а литература мораль»).

В один голос читатели требуют понятия произведений. Писатель должен писать просто, но не по-траффийски вкусам отсталых читателей, а поднимать их культурный уровень, обогащая его новыми словами, но делать это органически. Читатель умеет отмечать надуманное от настоящего. Когда одна из выступавших отметила у Новикова-Прибоя «непонятные морские выражения», с разных концов разились выкрики: «Вот чудак», «У Прибоя все понятно».

Отмечали трудный язык Леонова. Отмечали, что произведения Панфёрова очень ценные, но их язык не всем доступен.

— Поменьше мудрите, писатели, — сказал один читатель.

Еще о ругани: слишком много и подробно ругаются писатели.

— Нам нужна критика, — заявляет читатель, — хорошая, понятная и недорогая. Нужны сборники статей... Изданию: — Илья Т. Рейман.

— Плохо у нас с молодежной литературой, — жалуется читатель.

— Есть у нас одна книга Кондакова «Записки фабриканта», но она...

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— Поднятая целина, можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

роды для чего там хороша?

— Только женщины Шолохов ма-

ленько искривили.

— «Поднятая целина», можно сказать, политическая книга, но и при-

Растущая советская литература выделяет новых писателей

Шалва Сослани

Первый из Адыгеи «Шамбуль» Т. Керашева (АДЫГЕЯ)

«Шамбуль» — это штурм. Герои этой книги — адыгейцы. Адыгея — земное название черкесии. Адыгейская автономная область Северокавказского края РСФСР образована в 1922 году.

Но кому известен, за исключением узких специалистов, быт и народы Адыгеи? Где и когда появился в нашей художественной литературе — старой и новой — описание подлинной неэкзотированной жизни чековских-адыгей?

Имя автора книги «Шамбуль» — Керашев, недавнего московского вузовца и комсомольца-адыгейца, пишущий свой роман по-русским и по-адыгейским, впервые входит в общенародную литературу нашей страны. Входит как имя автора, безусловно новой и талантливой, до-подлинно советской книги. Книга «Шамбуль» — голос национальной темы, разрешаемой средствами интернациональной литературы.

— Я слышала у Мозоковых, что сын учится по-русски в большом городе. Это ты или твой брат? — говорит старуха, сияющая, «Как ночной сырь, недвижно мохнатой тенью» на тачанке. На тачанке едут трое: бывший московский вузовец Биболет — возвращающийся на родину, молодая нафист и строгая чекешенка старуха — мать. Нафи-сестра.

— Если сказали к Мозоковым, то, наверное, это я — смеется ей в ответ Биболет, — выслушавший от старухи жалобу на дочь, захотевшую «учиться по-русски».

Как же ты, если и внешность не русская у тебя и в поступках твоих ничего русского нет, — смущенно говорит старая чекешенка.

— Если чекес учится, он не обязательно должен сделаться русским. Да и не все русские так плохи для нас: есть русские, которые избавили нас от тех русских, которых ненавидишь ты... — отвечает Би- болет.

— Так-то оно так, но нижненайская молодежь ни на что не похожа: ни молитвы, ни корана, ни почтания старших — не разберешь, где русский, где чекес. Это я не про тебя, сын мой: у тебя хотя облик человеческий и не в русской форме ходишь...

Биболет — воспитанник пролетарского университета союзной столицы — с энтузиазмом рисует своим спутницам образ новой, культурной чекешенки, каким он мечтал в его мечтах: свободной от рабских оков, от предрасудков. Он рассказывает «о тех русских женщинах, которые здорово и красиво грудью завоевывают себе равное с мужчина положение». И когда увещеванный его рассказами девушка неожиданно спрашивает: «Откуда достают они (эти русские женщины) книги, которые читают?» — Биболет с тоской вспоминает, «какими трудами, просьбами, а иногда слезами раньше ему самому в аул книжки пустыкали, тетради или карандаши... Он понял ход мыслей девушки и тут же вспомнил, что только недавно создан чекесский алфавит и пока напечатана одна только алфавитка...»

— Я слышала: ты в коммунисты записалась... Правда? — затаян дыхание и страшна ветвь спрашивающая приехавшего из большого города Биболета принужденная семейным правом молодая сестра Айшет.

— Кто тебе так напугал коммунистами, Айшет? — говорит Биболет, подбирая возможно простые и понятные для нее слова.

И вот, молодой адыг, прошедший учбу в пролетарской школе, человек, вырвавшийся из дурманного пленя обычных, восстает против всего, что мешает перестроить новую жизнь своей молодой страны, все еще цепко державшейся за традиции рода и корана.

Но для того чтобы вести эту борьбу, чтобы не испортить сразу все, необходимо обладать силой

— Т. Керашев, «Шамбуль». Роман, ч. 1. Адыгияиздат. 1932, 63 стр.

«Таланты, которые вырастила революция, народное творчество, которому она придала грандиозный размах, — внутренние резервы социализма, его железный фонд»

«ПРАВДА», передовая

Всеволод Иванов

О работе с молодыми

Как и многим моим товарищам литераторам, мне приходится много читать рукописей начинающих писателей, а также, что называется, «работать» с начинающими, то есть устной беседе указывать на недостатки и достоинства, которыми отличаются данная рукопись или общая особенность автора. Но работа, проводимая мной, — да со мной согласится, вероятно, и многие писатели, — совершенно непротивностная, поскольку ею обслуживается весьма малый контингент начинающих писателей, а кроме того и самому приходится часто повторяться. Было бы более целесообразным, если бы к каждому из писателей было прикреплено несколько начинающих, одаренных известными способностями, но недостаточно еще разработанными, и прикреплено с таким расчетом, чтобы, например у одного писателя было, скажем, пять прикрепленных каждый из этих прикрепленных был бы еще прикреплен к другому писателю. Это лишало бы писателя известной категоричности суждений, так как каждый литератор обладает известными навыками и вкусы, может быть, очень полезными для него самого, но могут ли оказаться вредными или малополезными для начинающего, а если даже и полезными, то все равно сравнение не поможет, а только принесет пользу начинающему. Правда, поскольку работа с начинающими происходит над рукописью, то, после таких странствований от одного учителя к другому, писатель в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых, библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых,

библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых,

библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых,

библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых,

библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых,

библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творческую биографию. Я думаю, например, начинаяющему писателю любопытно будет узнать, как я поначалу в начале своей литературной работы я переписал от руки «Воскресение», «Записки охотника» и два тома рассказов Чехова, переписав не от того, что у меня не было этих книг, а что я имел возможности их купить, а оттого, что я хотел узнать, как это пишут люди и почему у них получается так хорошо. Такая перепись была и будет всегда полезной, если особенно не переписывать механически, а смотреть и обдумывать, как написана отдельная фраза, как построено предложение и в каком отношении оно находится к другим предложенными. Тогда я бы глубоко убежден, что библиотека писателя должна состоять именно из таких переписанных им книг, и я по сие время жалею, что мне не удалось составить такую библиотеку, во-первых,

библиотека была бы компактнее на больших сороках опыта писателей с участием начинающих с тем, чтобы опытные писатели критиковали эти рукописи, а начинающие писатели критиковали критику писателей.

Я полагаю, что длительная и упорная работа таких семинаров на моем примеру научит как начинающих, так и писателей опытных, последним же особенно пора подумать о том, чтобы в той или иной форме изложить свою знания и свой опыт перед огромной массой людей, идущих в литературу.

Уже пора подумать о том, чтобы писатели создавали свои творческие биографии, бессрочно и в полной искренности рассказывали, как они искали темы, как искали характеры, у

каких и как учлились и кому как подражали.

Сейчас я работаю над большой книгой воспоминаний, где намерен

от руки в результате правомимо всего прочего, о чем полагается писать в воспоминаниях, изложит свою творчес

